

Громкое имя

— Чем вы объясняете факт, что в Европе имя Малковича гораздо более популярно, нежели у вас на родине?

— Трудно сказать. Здесь, в Америке, актер не имеет возможности выбора. Если не продавать себя в качестве звезды, нет никакого шанса на популярность. А я — кто угодно, только не звезда. Почему меня предпочитают Европа? Это очень странно, потому что европейцы практически не видели меня на сцене. Я в основном театральный актер, а в театре меня видели только англичане, да и то только те немногие, кто ходил в Лондоне на наши гастроли. Мы привозили в Англию “Сожги это” (Burn This) и “Оговоруку” (Slip of Tongue). Видите ли, половина моей жизни была посвящена театру, при том что я не имею никакого отношения к бродвейским суперпродукциям.

— Вы снимались у Бертолуччи, Вендерса, Фрирза, Антониони, Шлендорфа. С такими режиссерами легче работать, чем со Спилбергом?

— По большому счету их вообще нельзя сравнивать. Это две völlig противоположные модели режиссуры. Спилберг — гениальный человек, замечательная личность, даже если к “Империи солнца” можно предъявить кучу претензий. Но никто не может сказать, что он обладает — как бы лучше выразиться? — глубокой внутренней культурой. Нашу культуру оценивают по иным параметрам. Здесь, в Америке, совершенно иные критерии хорошего актера, хорошего постановщика. В Голливуде все помешаны на интриге, этой проклятой интриге. Зрителя держат за дурака: все боятся, что без шуток-прибауток он заскучает, не сможет вникнуть в смысл. Я вспоминаю все интервью Фолкнера. Как, по-вашему, почему его всегда описывают пьяницей? А дело в том, что людям нужно простое, поверхностное объяснение. Я лично прочитал шесть биографий Фолкнера, и ни в одной не ухвачена суть его гениальности. То же самое происходит и со сценариями. Если бы они хоть немного меньше стремились развлекать народ...

— Откуда в вас эта нелюбовь к развлечению?

— У меня аллергия на развлечения. Поэтому я в основном работаю в театре. В кино меня иногда прорывает... порой люди бывают шокированы.

— Неудивительно. Помните “На линии огня”? В один из самых критических моментов ваш персонаж вдруг начинает сосать ствол пистолета Клинга Иствуда. Это ваш стиль — выворачивание штампов боевика наизнанку?

— Просто я так работаю. Импровизирую, иначе не могу. И потом, все знают, что я терпеть не могу боевиков. Я не виноват, что так получилось.

— Какую из ваших ролей вы считаете наиболее удачной?

— Вынужден повторить: я театральный актер. Все мои лучшие роли сыграны в театре, их никто не видел. Конечно, я не хочу принижать то, что сыграно в фильмах, но кино страшно ограничивает актерские возможности. Представьте себе человека, который занимается серфингом: в тот момент, когда он взлетает на гребень волны, ему вдруг кричат “стоп!” В театре актер может взлететь на гребень самой высокой волны, и скользить по ней, а в кино сейчас снимают все более короткими кусками. Не успеваешь войти в воду, как тебя уже зовут обратно.

— Итак, кино — сплошной coitus interruptus. Печально. Говорят, на съемках вашего нового фильма “Мэри Рейлли” было много споров.

— Там совсем другое дело. Чисто драматургические проблемы. Кроме того, порой казалось, что Джулия Робертс до нас снисходит. Но я считаю, что она хорошо сыграла. Мог получиться великий фильм: постановка, костюмы, актеры — все великолепно. Но сама концепция не выдерживает никакой критики.

— И вы попытались вмешаться?

— Естественно. Но нам не удалось понять друг друга. Мы разговаривали, а потом я получал поправки к диалогам в тот день, когда мы должны были снимать сцену. Не совсем справедливо, правда? И потом, я считаю, что писать — это святое. Изменять текст — значит, осквернять его. По-настоящему хорошо написанный сценарий, как, скажем, “Опасные связи”, — огромнейшая редкость. Но в целом в ходе работы над “Мэри Рейлли” многое удалось изменить к лучшему.

— Как сложились отношения с Джулией Робертс?

— Мы хорошо поработали вместе. Никаких проблем. Вы тоже подаете, что я подавлял ее? Странно, все почему-то так считают. У меня не было такого ощущения.

— Вы скромны.

— Хм, в чем меня еще ни разу не упрекали, так это в скромности.

— В США вас никогда не называли секс-символом. В Европе — наоборот...

— Абсурд!

— Откуда в вас это влечение к ролям с легким извращением? Вы ведь любите делать ваших персонажей еще большими маргиналами, нежели они являются в сценариях?

— Извращение — это сказали вы, а не я! Я вижу проблему совершенно иначе. Те, кого сейчас называют маргиналами, стоят в центре. В центре внимания общества, по крайней мере. Так что это вопрос перспективы. Говорят, что я делаю моих персонажей более маргинальными. Добавлю: если я опирался на гомосексуальность героя “Стеклянного зверинца”, то только потому, что лично я не видел другой возможности понять его. То же самое в “Смерти коммивояжера”. Нужно было растоптать старые клише, давнишние интерпретации, которые больше ни о чем не говорили зрителю. Мы с Артуром Миллером часами это обсуждали. А вспомните фильмы про спортсменов — печально зрелище. Нужно было взорвать изнутри стереотип спортсмена. Я был знаком с великими спортсменами, и они совершенно не похожи на тех, кого показывают в кино. К тому же я сам когда-то был спортсменом. Как говорил Брехт, нужно заново изобретать реальность.

— Ваш дядюшка Вилли в фильме “Место в сердце” совсем не похож на слепого. Вы не закрываете глаза, вы не похожи на дезориентированного человека.

— Реалистичное — не всегда очевидное. Нужно найти реальность, которая удивит и шокирует. Как-то раз я встретил слепого человека и скажу вам, что никто еще так пристально не смотрел мне в глаза, как эта женщина. Я изобразил ее в роли дядюшки.

— Вам не кажется, что в “Мышах и людях” вы немного переживаете? Персонаж Ленни, эдакий простака, кажется несколько наигранным.

— М-да. У меня не было любви к этой роли. Я его слишком играл. Та же история со “Стеклянным зверинцем”. Кста-

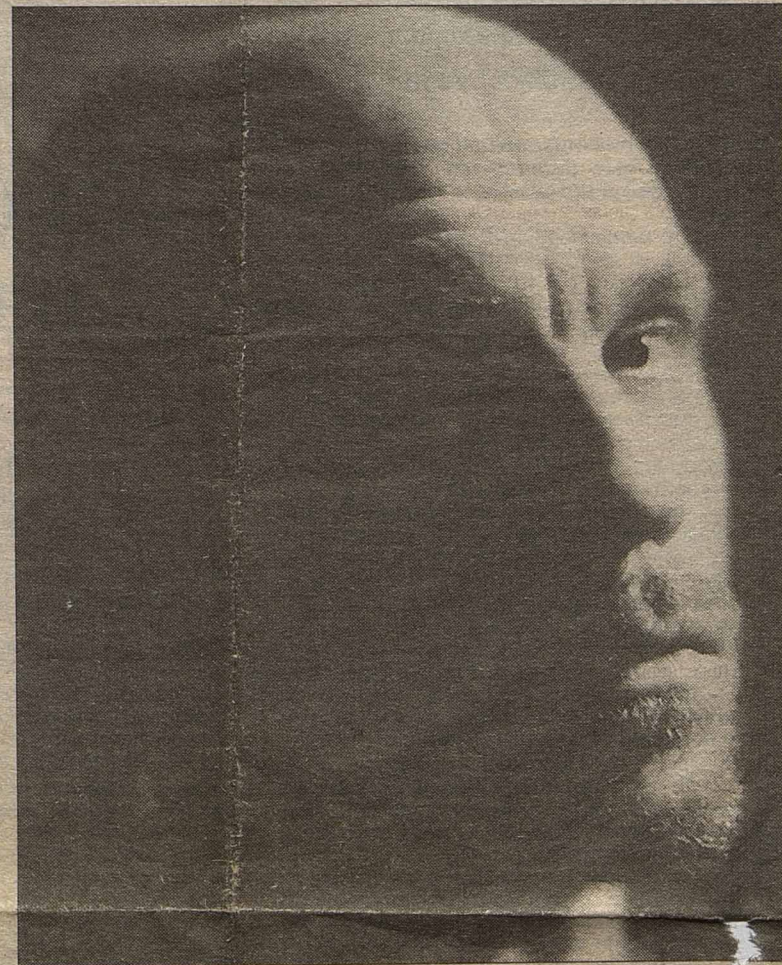
но, обе роли до кино я сыграл в театре, но к тому времени, когда их решили экранизировать, обе пьесы как-то перестали восприниматься. Хотя мне очень понравилось работать с Полом Ньюманом и Джоанн Вудворд. И это никак не связано с тем, что мне нужен нарциссический контакт с публикой, чувство зрительного зала. Не знаю, почему так получилось. То, что приходится делать для кино, — скованное, застывшее раз и

лленное небо”. Как шла работа над адаптацией Пола Боулза? — Честно говоря, мне больше понравилось то, что написала его жена, Джейн Боулз. Уильям Бэрроуз метко сказал по поводу автобиографии Боулза, что вместо “Не останавливаясь” она должна была называться “Не рассказывай”. Боулз был очень эрудированным человеком, жизнелюбивым, часто — трогательным. Когда я его спросил,

Джон МАЛКОВИЧ:

“У меня аллергия

Джон Малкович редко дает интервью. Поэтому разговор, состоявшийся 20 марта 1996 года в Чикаго, в здании театра Steppenwolf между профессором сравнительного литературоведения Колумбийского университета Маурицией Арина и актером, которого многие считают самым талантливым театральным исполнителем в США, заслуживает внимания. Перепечатываем их беседу из майского номера Premiere.

навсегда.

Обожаю жизненную энергию театра. Театр обладает собственным мотором, собственным движением, он живет собственной скрытой от глаз жизнью. Когда снимается кино, это похоже на толкание поезда вверх на гору. А когда его заталкивают на вершину, он там и остается — неподвижный, громоздкий. Все. Процесс окончен. В театре порой допускаешь ужасные ошибки, бывают вечера, когда ненавидишь себя, но это нормально. Здесь ошибку можно исправить.

— Вы легко вошли в фильм “Раска-

ленное небо”. Как шла работа над адаптацией Пола Боулза?

— Честно говоря, мне больше понравилось то, что написала его жена, Джейн Боулз. Уильям Бэрроуз метко сказал по поводу автобиографии Боулза, что вместо “Не останавливаясь” она должна была называться “Не рассказывай”. Боулз был очень эрудированным человеком, жизнелюбивым, часто — трогательным. Когда я его спросил,

— Вам понравилось работать с Деброй Уингер?

— Мм... Думаю, роль была немного за пределами ее актерского диапазона.

— Вы сильно сердитесь, если кто-то может испортить вашу игру?

— В кино все получается иначе, чем в театре. Знаете, есть негласная договорка: камера не жлет. Но ведь даже дурак понимает, что камера только тем и занимается, что жлет. Для этого ее и изобрели. Искусство кино — искусство умолчания, включения в кадр только того, что нужно. Кино — вообще странная

на развлечение”

штука. Иногда, конечно, хочется рвать волосы на голове или убить идиота, которого тебе выбрали в партнеры... Самое удивительное, что по окончании съемок результат режут, клеют, переключают, тонируют и порой плохое нивелируется, затухивается. Я не люблю эти волшебства. В кино все можно спрятать, а можно все выставить напоказ.

— В чем разница между вами и вашей работой? Вы кажетесь очень спокойным, уравновешенным человеком — может быть, это результат жизни во французской деревне?

— То, что в свободное время я живу в Европе и только в сельской местности — это и причина и результат моей работы. Я выбрал французскую деревню, потому что она делает меня таким, какой я есть. Собственно французские проблемы, истории про Миттерана и Ширака, они важны для французозов, но проходят абсолютно мимо меня. В отличие от историй с Бобом Доулом и Джонни Кочраном, которые меня бесят. Франция — не моя родина, но здесь мне хорошо, потому что меня никто не трогает. Им на меня плевать, мне на них плевать. Это не равнодушие, просто европейцы привыкли к определенной психологической дистанции.

— Что вы думаете о французском кино?

— Я очень редко хожу в кино. Этим летом, может быть, схожу в образовательных целях. О французском кино я вообще ничего не знаю. Видел кое-какие итальянские фильмы, но очень мало. Я скорее читатель, чем зритель.

— А что вы думаете о французских актерах?

— Мне очень нравится Софи Марсо. По-моему, она просто потрясающая актриса. Она такая... в общем, французка.

— Вы также работали с Клотильдой Куро.

— О да, Клотильда замечательная актриса. Мы вместе играли в пьесе “Оговорука”, и ей приходилось работать на английском, а лицедействовать на неродном языке очень тяжело. Bravo, Клотильда!

— Правда ли, что в молодости вы водили школьный автобус и время от времени потрясали своих пассажиров школьниками пассажирами из Ниццы?

— Да, правда. Кстати, они до сих пор мне пишут. Мне тогда было 23 или 24 года.

— Призываетесь, вы позер, настоящий бодлеровский денди! Не потому что фотографировались в модной одежде, а потому что всегда стараетесь показать, что вы не такой, каким вас видят другие.

— Может быть. А может быть, и нет.

Да, я денди. Не из-за одежды. Просто я неспособен принадлежать к какой-то группе, какой-то категории. У человека есть только одна личность. Даже с драматургической точки зрения.

— Вы далеки от методов “Экзорз студио”, тяжелого жвизвания в роль в стиле Де Ниро и Хоффмана?

— Да, абсолютно. Они — рабы своего метода, своей системы. Все эти метаморфозы, когда человек худеет или толстеет ради роли — не для меня. Но это не значит, что мы с Дастином не можем найти общий язык. Его киноком-

дает только один, задумываешься о природе успеха или неудачи. Меня лично процесс интересует больше результатов.

— Значит, вы ни о чем не жалеете?

— Может быть, только “Элени”. Это был плохой фильм. Нет, если бы я все начинал сначала, я бы снялся в меньшем количестве фильмов. Но на каждой съемочной площадке чему-то учишься! К тому же нам не дана роскошь вернуться назад. Однажды я снялся в очень плохом фильме “Создавая идеал”. Сьюзен Сейделман, но как же мне было весело на съемках!

— Но это была одна из лучших ваших ролей! Помню, все рыдали от смеха, глядя на вашего влюбленного робота! Вам не кажется, что в вас таится гениальный комический актер?

— Вообще-то, никто не сыграл в таком количестве комических пьес, как я. Просто в кино мне не дают таких ролей.

— А “Объект красоты”?

— Да-да. Это было здорово. Мне понравилось работать с Энди Макдауэлл.

— Почему вы никогда ни о ком не говорите ничего плохого? Хотите, чтобы вас называли милым человеком?

— Может быть. Я всегда нахожу общий язык с партнерами. Не скажу, что мы становимся закадычными друзьями, но работаем дружно.

— С кем из режиссеров вы мечтали работать?

— С Кесслевским, но он умер пять дней назад. Луи Малье. Он предлагал мне сниматься в его последнем фильме, я отказался. Я хорошо его знал. Мы много разговаривали. Это был гениальный человек. Мне хотелось бы сниматься у Феллини, Бергмана, Дэвида Лина, Кэрола Рида. Особенно у Феллини.

— А актеры? Есть ли актер, который внушает вам безоговорочное уважение?

— Нет. Впрочем, извините: Лори Меткалф, актриса, которая играет главную женскую роль в “Вольнодумце” (The Libertine), пьесе Стивена Джеффри, где я играю Rochester, предвестника маркиза де Сада. Лори — самая необыкновенная из актрис, с которыми мне довелось встречаться. Это театральный Майкл Джордан. Мне очень повезло, что я смог играть с ней, она научила меня многому. Я также восхищаюсь Дастином Хоффманом, но он меня ничему не учил. Кстати, я вообще не понимаю, что значит “учиться на актера”. Это же не то, что изучать иностранный язык! Я следую моему инстинкту, только и всего. Дастин работает тяжело и упорно, я тоже работаю упорно, но не хочу его копировать... Да, еще Шон Пенн потрясающий актер. Какой актер! Еще я восхищаюсь Уильямом Хэртом... Все, стоп! Я ужасно люблю актеров, но никто из них не является для меня образцом для подражания. Я только слушаюсь моих инстинктов.

— Вас раздражает шум вокруг присуждения “Оскаров”?

— Нет, просто это не мой мир. Я приходил на церемонию, когда меня выдвигали за “Место в сердце”. Десять лет спустя, когда меня выдвинули за “На линии огня”, я не пошел. Мне там нечего делать. Знаете, у меня даже нет артистического агента. Меня это не интересует. И я не хочу снова оказаться в оscarовском марафоне.

— Кто, по-вашему, станет победителем в этом году?

— Мне очень понравился “Покидая Лас-Вегас”. Но я недавно отказался сниматься в следу-

ющем фильме Фиттиса. А в “Лас-Вегасе” мне понравилось то, что это просто фильм про fucking alcoholic, безнадежного алкоголика, без претензий. Такие фильмы иногда внушают надежду, что кино еще на что-то способно. А нынешние боевики просто дерьмо.

— И поэтому ваши герои — это Беккет, Пинтер и де Лилло?

— Да. Я люблю фильмы, в которых ничего не происходит. Как в жизни, правда? Помню одно интервью с девушкой из журнала Positif: она удивилась, что я не являюсь поклонником “Терминатора”. Конечно, потрясающие спецэффекты, но разве там есть чему сопереживать? Она смотрела на меня, как на марсианина. Слово я дурак, потому что не люблю “Терминатора”. Я не выдержал и сказал ей “fuck you”. Такие фильмы устаревают в среднем за пять лет. Ну, может быть, детишкам они нравятся дольше. Но таков бизнес. Нет, я не могу сказать, что мне совсем не понравился “Терминатор”. Но это подавалось в контексте его кассовых сборов... То же самое — “Беглец”. Нельзя смешивать художественный и коммерческий результат. И не говорите мне, что я должен сниматься в боевиках!

— Что вы думаете о Николасе Кейдже?

— Я провел с ним великолепный уик-энд. Оба мы — близкие друзья Тома Уэйтса. Кейдж обладает собственным стилем, собственной манерой. Он держит. Большой оригинал.

— Вы только что закончили сниматься в экранизации романа Мишеля Турнье “Король ольхи”, которую поставил Фолькер Шлендорф.

— В фильме не очень чувствуется дух романа. Но Фолькер — мой старый друг. Это был очень интересный проект, но вместе с тем — чрезвычайно изнурительный. Фолькер приезжал сюда несколько недель назад. Сейчас он вернулся в Берлин, скоро фильм будет готов. Наверное, он будет в конкурсе на Каннском фестивале (Шлендорф не успел закончить “Короля ольхи” к фестивалю. — “ЭС”).

— Вы относитесь к числу актеров, которые без колебаний снимаются обнаженными, например в фильмах “Опасные связи” и “Над облаками”.

— Мне плевать, одет я или обнажен. Однако меня раздражает, что когда персонаж обнажен, зритель уже не может сосредоточиться на главном, он видит только поверхность. Причем так происходит всегда. Я не стал бы это делать для того, чтобы завоевать любовь зрителей... Это все равно что заниматься любовью с женщиной, которую не любишь. Главное, квинтэссенция — это почти никогда не лежит на поверхности.

— Не вижу связи.

— Когда вас не интересует персонаж, как цельная личность, вы начинаете обращать внимание на отдельные детали.

— Фетишистский интерес?

— Именно. Именно так и происходит в кино. Те, кто неспособен увидеть подлинный центр фильма, станут созерцательными стриптиза. Настоящий актер заставит вас забыть, что он слеп, безумен или обнажен. А зритель, который себя уважает, будет искать то, что не бросается в глаза.

ЧИКАГО.